

ФОТО ИТАР-ТАСС.
о нас составляют совершенно неправильное. Литература же наша очень самонадеянна. За свою самонадеянность она сейчас и получила справедливую затрещину. Она зарвалась по своей самонадеянности. Она стала учителем жизни. Заменила собой идеологию. А писатели сделались шестерками у правительства. Надо — воспеваем кукурузу. Надо — снос деревень. Помните? — "неперспективные деревни". Надо — поворот рек вслать будем оправдывать. Что угодно выполним, только за казывайте. Это ненормально, неправильно. Поэтому литература наша совершенно справедливо переживает теперь период очищения.

— Но это кризис?

— Нет. Это не кризис. Это как бы выселение из особняка в землянку. Надо и тут покинуть. Вспомнить, как заготавливаются дрова. Как лается худая крыша. А то все по паркету бегали. А надо еще и по земле походить.

— Наша творческая интеллигенция в последнее время отчетливо разделилась на две противоборствующие группировки. В Союзе писателей, помнится, едва ли не до потасовок доходило.

— Сейчас страсти поутихли. Во всяком случае прозаики вполне понимают, что поле русской жизни, русской словесности настолько гигантское, что у каждого найдется свой загон. Запрягай лошадей и пши на здоровье.

Поэтому среди прозаиков меньше всяких там склок, интриг. Если я встречаюсь, скажем, с Баклановым, с Борщаговским, Курчаткиным, Золотуским, другими, мы нормально разговариваем, нормально относимся друг к другу.

— А все-таки этот разлад, наверное, сказывается отрицательно на духовной жизни общества?

— На духовной — нет. Видите ли, мы часто употребляем термин "духовная жизнь", не отдавая отчета себе в том, что он же полностью религиозен. Духовное — это совсем не то, что душевное.

Душевно мы сейчас с вами сидим, разговариваем, можем кофе попить. Это все душевное. Но духовность требует жертвенности. Но, к счастью, наш народ мало читает. И, может быть, это еще как-то оберегает его духовность. Это прекрасно.

— Вы говорите: к счастью?

— А чего у нас читать? Я сказал как-то одному человеку:

вот вы не читали того-то и того-то. А он ответил: да разве мне читать нечего? — есть же Евангелие. А зачем вообще читать? Чтобы спасти, не надо читать. Во

всяком случае, светскую литературу. Духовную нужно читать. Я только приведу пример. Прекрасные, большие, огромные, можно сказать, произведения русской прозы — "Тихий Дон" Шолохова, "Окаймленные дни" Бунина, "Солнце мертвых" Шмелева, "Разгром" Фадеева, "Щепка" Зазубрина. Но ведь все они описывают уже пролившуюся кровь. Если бы они своими книгами эту кровь остановили. Если бы они на будущее сделали какие-то обереги. Ничего подобного! Кровь как хлестала, так и хлещет. Человек был зверем — становится зверем еще большим. Ничему его литература не учит.

А считается, что названные писатели — наши литературные флагманы и им надо следовать. Но вот другая литература. Написана тем же языком, но с гораздо большей силой проникновения и достоверности. Это сочинения святителей Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, Тихона Задонского, Филарета Московского, отца Иоанна Кронштадтского. Наследие, которое нам оставили святые отцы. Вот если бы мы следовали за этими образцами, то тогда, конечно, наша литература становилась бы духовной. По-настоящему духовной. Литература будет настолько необходима людям и полезна для людей, насколько она, литература, почувствует необходимость своего воцерковления. Вот формула. Почему люди у нас не верят в правительство? Почему идет повсеместная ругань в его адрес. Причем справедливая ругань. Потому что есть формула: народ предан властям, настолько, насколько они, власти, преданы Христу. Этой формуле никому никогда не отменить.

— В ваше повести "Прощай, Россия" есть глава "Вперед, к варварству!" Как понимать такой призыв?

— У человека есть ангел-хранитель и ангел-искуситель. И если человек не идет к Богу, его мгновенно к себе затаскивает лукавый. Поэтому обезображенная жизнь, несомненно, ведет к варварству. Когда меня упрекнули, что-де я зову к средневековью, я тогда ответил: средневековую Россию олицетворял Сергей Радонежский — как звать к средневековью?

— Так почему же вы зовете к средневековью?

— Кому как подходит. Мы в плену этих стереотипов. Характеры... тут во многом все-таки дьяволгольская основа.

— А как вы оцениваете литературу современных национальных писателей?

— С огромной брезгливостью. Это даже руки не хочется брать. Не может быть

226

Февраль 1998. — № 2 (5) — 67.

Владимир КРУПИН:

К счастью, наш народ мало читает

Владимир Николаевич Крупин, автор многих книг прозы, в творчестве своем проповедует исконно русские духовные ценности. Особенное место в эстетике Крупина занимает православная традиция. Слепое копирование всего западного он считает крайне губительным для России явлением. Россия, как утверждает писатель, единственная в мире страна, которая живет "не по уму, а по душе".

— Владимир Николаевич,

только что вы возвратились из поездки по стране. Расскажите, что вы увидели? Как живут люди?

— Если все время жить только в Москве, то можно прийти в совершенное уныние, потому что столица наша оккупирована чужими нравами, заполнена не только западной рекламой, но, я бы сказал, вообще каким-то чужебием. И если бы в Москве не было Данилова и Новодевичьего монастырей, не было бы чудных наших храмов и других святынь, город был бы уже окончательно нерусским. Я вернулся из большой поездки по Уралу и Сибири. Впечатлений множество. И впечатления самые отрадные. Казалось бы, люди непрерывно оглушаются, оглушаются уже более чем десятилетней пропагандой нерусского образа жизни. Авторитет русского писателя настолько прочно укоренился, убивается вовсю. В средствах массовой информации голоса русского писателя просто не слышно совсем. И поэтому было ощущение, что нас уже некому слушать. Но — вообразите себе! — везде, где бы мы ни выступали, битком набитые аудитории! И в Оренбурге, и в Перми, и в Вятке, и в Омске, и в Иркутске. Везде! И, знаете, такое ощущение, что сама природа сохраняет в этих людях благородные и благодатные качества, данные человеку самим Создателем и внушенные родителями, родной, местом рождения. Для девушки эти качества — целомудрие, стыдливость. Для юноши — мужество, честность, ответственность. Все-таки мы живы! И в провинции это особенно чувствуется.

— Надежду люди не потеряли?

— Живут и надеются. Но плохо живут. В иных местах не отапливается жилье, например. Нет ни мазута для котельной, ни угля. И приходишь к кому-то домой, а в квартире 5 — 6 градусов. На кроватях сидут старухи в закутанные. А люди терпят и надеются. Помести в наши условия любого другого — немца, француза, американца — они бы не выжили.

— В Москве эту жизнь провинции плохо представляют.

— Так ведь ее по телевизо-

ру не показывают. Показывают все болезни жизни бомонда — эпидемические, акции...

— Они нам диктуют, что со-

сится, что о чём думать даже. Произошел какой-то

сдвиг в общественной жизни. Все перевернулось с ног на голову. Вся эта актерская возня — за сценой и возле сцены — это миллиардная доля процента общественной жизни. Но это так раздувается тем же телевидением, что всем уже кажется, будто это и есть важнейшая сторона нашего бытия. Или другое: преступления, убийства, разборки, катастрофы — это тоже занимает ничтожную долю процента общей жизни. Но только об этом нам все время и талдычат. У нас полстраны махало руками по приказу Кашпировского и Чумака. Теперь наступил второй этап одурманивания — людей ловят на приманку так называемой свободы. Но кто требует свободы? — свободы требуют бесы. А православный человек уже свободен. Он свободен в любом месте и при любых обстоятельствах. Смерть для него — это соединение с Богом. Имущество ему не нужно. В гроб с собой он ничего не утащит. Это ощущение свободы, свободы духа, изначально присущее православному человеку. А зачем нечестным, нечестивым людям свобода? — чтобы легче воровать, грабить, спекулировать, обманывать.

— Почему, на ваш взгляд, в последние годы не появляются новые значительные литературные произведения?

— В России писателю нужно прежде умереть, а потом уже все узнают его величину. "Дневник писателя" Достоевского выходил когда-то несколькими сотнями экземпляров. А уже потом был заслуженно издаваем огромными тиражами. Правда, было время, когда книги у нас издавались полновесно. Возьмите, например, "Лад" или "Прощание с Матерью" — эти книги сразу имели огромные тиражи. Одна "Роман-газета" давала какой тираж! А сколько было еще и отдельных изданий! Я и сегодня мог бы назвать ряд славных имен. Это поэт Владислав Артемов, прозаики — Юрий Козлов, Александр Сергеев, Михаил Попов, Николай Шелепов, Михаил Лайков, Александр Громов, Вячеслав Дегтярёв. Есть немало коллегиев писателей, которые пишут в лучших традициях русской литературы, как Ильинская, которая кажется, за чьими-то будущими.

— А как вы оцениваете ли-

тературу современных на-

циональных писателей?

— С огромной брезгливостью.

Это даже руки не хочется брать. Не может быть

искусство интернациональным, пока оно не национально. Всё эти эксперименты — это для очень узкого круга.

Ну теще, может быть, интересно, ну жена, может быть, скажет: вот какой гениальный мой Вася. И все.

— Некоторые критики сей-

час говорят, что значительные

произведений не появляются

оттого, что писатель не в состоянии выстроить

характеры своих персонажей.

Потому что сам писатель не знает, что будет

завтра с ним, со страной.

Следовательно, и герой его

будет столь же неуверен-
ным в себе и характер его

останется нереализован-

ым.

— Ой, не знаю. Я как раз

реко иначе это понимаю. А

зачем думать, что будет зав-

тра? Вообще о завтрашнем

дне думать совсем даже не

надо. Мы же сегодня живем.

Надо полностью растворить-

ся в воле Божией. На выезд-

ном пленуме Союза писателей, который недавно про-

шел в Омске, я выступил

против понятия "активный герой". Критики все требу-

ют активного героя. Я гово-

рю: но хорошо, а какой ак-

тивный герой Обломов? Он

лежит и лежит. Он уже XX

век весь перележал. И XXI

будет лежать и его переле-

жит. У Распутина старуха

умирает — как тут активный

герой? Понятие "активный

герой" пора заменить

понятием "позиция автора".

А позиция автора какая? —

— если он воцерковленный че-

ловек, православный челове-

к, тогда ему даже и думать не

надо, о чём писать. Во-об-

ще писатели близкого по-

должны понять, что они не

могут брать на себя грех творить, как Творец. Это же грехенно. Мы же люди. Не имеем права су-

дить раньше Божиего суда.

А что мы имеем право?.. Во-

обще-то лучше бы совсем не

писать. Но раз уж это зудит,

раз уж дана кому-то такая

способность составлять

слова во фразы, фразы в а-

базы, то о чём тогда писать?

— конечно, о состоянии, ко-

торое испытывает душа.

Если мы и должны писать. Ради

ее спасения. Ради ее спасе-

ния. И если писать, то для

спасения. Ради ее спасе-

ния. И если писать, то для

спасения. Ради ее спасе-

ния. И если писать, то для

спасения. Ради ее спасе-

ния. И если писать, то для

спасения. Ради ее спасе-

ния. И если писать, то для

спасения. Ради ее спасе-

ния. И если писать, то для